

Ю.Г. Максимова

Эволюция этнокультурных традиций восточнославянского населения Кубани XIX – начала XX в. (на примере народного декоративно-прикладного искусства)

В последние десятилетия не только ученые, но и широкая общественность России проявляет повышенный интерес к народной культуре, проблемам изучения и сохранения ее традиционных этнических элементов. Важная составная часть традиционной культуры – народное декоративно-прикладное искусство, которое представляется системообразующим компонентом в формирующейся в настоящее время системе этнохудожественного образования разных уровней. В таких условиях большое значение приобретает осмысление процесса эволюции этнокультурной традиции декоративно-прикладного искусства, определение ее роли и места в культуре не только России в целом, но и отдельных регионов, в нашем случае – Кубани.

Кубань – такой регион России, где в силу исторических обстоятельств переплелись южнорусские и украинские традиции. Связано это с особенностями заселения Кубани (конец XVIII – XIX в.) русскими и украинцами, происходившего в несколько этапов. Отметим наиболее значимые периоды этого процесса.

Земли, расположенные по Таманскому п-ову и правобережью Кубани (от ее устья до впадения р. Лабы), были отведены Черноморскому казачьему войску. Переселенцы Черномории были представлены в большей степени малороссийскими жителями, являвшимися носителями локальных вариантов общеукраинской традиционной культуры (выходцы из Полтавской, Черниговской, Харьковской, Екатеринославской, Киевской губерний). Население этой территории представляло собой достаточно однородную компактную этнографическую группу, так называемое черноморское казачество.

Параллельно с формированием и унификацией традиционной культуры черноморского казачества шел процесс ее взаимодействия с традиционной культурой русского населения. Это наблюдалось как в пограничных зонах, так и непосредственно в самой Черномории¹. В

селениях Старой Линии (восточная часть правобережья р. Кубань от Усть-Лабинского редута) и Новой Линии (пространство между реками Кубань и Лаба) были поселены выходцы из русских областей (с Дона и из центральных и черноземных губерний – Воронежской, Курской, Орловской, Тульской, Тамбовской) и группы украинского населения (екатеринославские и хоперские казаки, переселенцы из Полтавской и Черниговской губерний). Тем не менее на этих территориях преобладали русскиеⁱⁱ, определившие своеобразие так называемого линейного казачества. Как и в Черномории, в районах расселения линейцев это вело, с одной стороны, к взаимодействию и унификации локальных вариантов южнорусской культуры, с другой стороны, достаточно интенсивные русско-украинские ассимилятивные процессы протекали при доминировании русских культурных традицийⁱⁱⁱ.

В 1860 г. казачьи части, расположенные в бассейне Кубани, – Черноморское войско и шесть бригад Кавказского линейного казачьего войска по Старой и Новой линиям – были объединены в Кубанское казачье войско. Земли Кубанского войска вместе с предгорьями Западного Кавказа (Закубанье) вошли во вновь образованную Кубанскую обл. Заселение Закубанья в основном осуществлялось после 1860 г. Население этих районов отличалось особенно большой этнической неоднородностью^{iv}. Сложившаяся здесь ситуация отражена в словах Л. Мельникова, посетившего в 1900 г. Майкопский отдел Кубанской обл.: «Состав казачьего населения всех этих станиц радикальным образом отличается от казачьего же населения станиц черноморских и линейных. Там население представляет одну сплошную этнографическую массу мало- или великоросского происхождения.... Совсем не то вы наблюдаете здесь. Въезжая в такую станицу, почти безошибочно можно узнать, в каком доме живут малороссы, а в каком великороссы»^v. Такое чересполосное или смешанное расселение переселенцев в бассейне Кубани, их разнородная этническая принадлежность, протекавшие этнокультурные процессы, своеобразие социально-экономических условий на разных этапах формирования кубанского казачества предопределили специфику его этнокультурной традиции и в частности народного декоративно-прикладного искусства.

Примерно с конца XVIII и до 60-х годов XIX в. шло складывание украинской и русской этнографической групп на Кубани. На фоне внутриэтнических консолидационных процессов происходило приспособление традиционной культуры переселенцев к новым условиям. Вместе с тем долго сохраняется мозаичность культурного пространства. В этот период господствующим остается исходное традиционное мышление, сохраняются основные этнографические особенности, в том числе профессиональные навыки и художественные приемы, принесенные из разных русских и украинских областей. Все это предопределило неоднородность этнокультурной традиции декоративно-прикладного искусства Кубани: в нем четко выражалась этническая основа – русская или украинская. Однако единое происхождение восточнославянской традиции проявлялось в некоторых общих элементах культуры – одинаковыми были орудия прядения и ткачества, технические приемы и способы тканья и вышивки, топография орнаментальных мотивов на одежде, мужская туникообразная рубаша с прямым разрезом ворота, женская рубаша с поликами и рукавами и т.д.

Тем не менее именно этнический состав населения обусловил специфические особенности гончарства, в частности форму посуды и декорирование ее поверхности. Производство глиняных изделий в восточных районах, основное население которых составляли русские переселенцы и их потомки, было связано с русской традицией. Здесь преобладало производство простой глиняной посуды, отличавшейся классической строгостью: кувшинов, мисок, горшков, корчаг, кубышек и т.д. Производимые же в Черномории глиняные сосуды выполнялись в украинских традициях и отличались особенно яркой многоцветной росписью или несложными лепными украшениями с растительным орнаментом. Снаружи такие изделия обычно покрывались прозрачной глазурью^{vi}. Терминология, связанная с глиняной утварью, также отражает русские и украинские истоки традиции гончарного искусства. Так, на северо-западе, на территории Черноморского войска, употреблялись украинские названия – *макитра* (*макитерочки*, *макитерки*), *глэк* (*глэчик*), *ринка* (*рыночка*), *кухлятка*, *копыточка* и др. На востоке, в старых линейных станицах, наряду с украинскими встречаются и рус-

ские термины – *горшок, крынка, миска, махотка, кубган (кубхан, кубган), кувшин* и т.д.^{vii} Очаги ремесленного гончарного производства на Кубани находились там, где была пригодная для работы глина. В большинстве случаев они располагались в сельской местности и имели сезонный характер. Производимую продукцию сбывали в основном односельчанам или жителям соседних сел. Гораздо реже изделия реализовывались приезжавшим скупщикам и в отдаленных населенных пунктах^{viii}. Наиболее развито гончарство было в станицах Пашковской, Рождественской, Старощербиновской, Баталпашинской, Гостагаевской, Новотроицкой, Северной и других, а также в городах Ейск, Майкоп, Екатеринодар^{ix}. Все производства имели низкий технический уровень. Работа проходила в жилом доме или в подсобных помещениях во дворе владельца; несложный инструмент изготавливали сами гончары; обжиг производили в особых печах, сложенных на открытой, ничем не защищенной местности – ямных горнах^x. Из добытой на месте или привозной глины делали разную глиняную посуду и детские игрушки – «петушки да барашки»^{xi}.

Во многих станицах Кубани сохранялась издавна известная на Украине традиция «наводить узорчики». Бытование настенной росписи связано с материалом жилища, поэтому она более характерна для степных районов, где хаты почти сплошь были глинобитные, саманные, хорошо смазанные или выбеленные. Кроме того, в немалой степени ее развитию способствовали и природные условия – наличие цветных глин, песка, извести или мела. В общем же внешнее и внутреннее украшение хаты было в эстетическом плане более бедным, чем на Украине^{xii}. Из видового разнообразия украинской настенной росписи у переселенцев на Кубань бытовали росписи на мазаном полу хаты – *доливке, земле*. Такую выполненную разноцветной глиной доливку примерно в 1930-е годы видели в одной из хат ст. Нововеличковской, «каждую субботу при смазке “доливки” роспись заменялась новой, более или менее сходной с предыдущей»^{xiii}. Когда мазали полы, как правило, цветом фона подводили и нижнюю часть стены высотой от 5 до 10 см – панель. Роспись могли наносить и по верхней части печи – *комени*. «Печь, в отличие от белых стен, окрашивается в голу-

бой или в желтый цвет, с обязательными цветными узорами, иногда довольно замысловатыми»^{xiv}. Разрисовывали хату и снаружи: иногда только «по над стеной из края в край» – завалинку, иногда полностью наружные стены. Летом часто «подводили землю прямо до калитки»^{xv}. В архитектурной росписи наблюдалось решительное преобладание орнаментов растительной группы: «листушки», «тюльпанчики», «сви-сташки» (цветы типа колокольчиков), «розочки». Использовались и геометрические узоры: «зубчики», полосы, квадраты, волнистые линии»^{xvi}. Многие элементы, входящие в композиции, часто встречались и как самостоятельные рисунки. Так, «на хуторе Красном станицы Ильской хозяин дома нарисовал красной глиной на белом фоне стены над своей кроватью большую пятиконечную звезду»^{xvii}. Элементы орнамента выделялись с помощью цвета. «Смесь» из песка, «глэзя» и воды имела цвет глины (желтый, красный, белый). Для получения коричневого цвета добавляли кору ольхи, для синего – добавляли синьку; зеленый получали при добавлении коровьего помета, красный – при добавлении перетертого, просеянного жженого кирпича^{xviii}. Узоры наносили на поверхности при помощи тряпочки – «вихтем»^{xix} или «ватцей», или же с помощью кисточки из волокон конопли^{xx}.

Орнаментальной росписью украшались и отдельные деревянные предметы обихода. «Намалеванные, покрашенные, цветами поразрисованные» или резные сундуки (*скрын*и), как обязательную часть приданого, готовили заранее. Обычно их покупали или заказывали мастеру^{xxi}. Расписная деревянная утварь (прялки, вальки, праздничные блюда и т.д.) была не характерна для украинцев^{xxii} и бытовала в местах расселения русских. Такие изделия переселенцы привозили с собой или изготавливали уже на новых местах своего проживания.

Элементы деревянного декора, выполненные пропильной или рельефной резьбой, присутствовали во внешнем убранстве жилища. Веранды, оконные наличники, крылечки или наддверные козырьки в основном были характерны для Закубанья. Развитию ремесла на основе южнорусской традиции здесь во многом способствовало наличие необходимого материала.

Практически повсеместное распространение на Кубани получили различные текстильные ремесла: ручное ткачество, ковроделие, вышивка и вязание. Во многих станицах почти в каждом доме женщины занимались прядением и ткачеством для удовлетворения домашних потребностей^{xxiii}. С 6–7 лет девочки приучались к рукоделию и до замужества должны были приготовить себе приданое^{xxiv}. Неумение ткать считалось для женщины большим недостатком^{xxv}. Излишки холста или пряжи сбывались на месте или продавались на ярмарках, базарах, а также выменивались в лавках на мануфактурные изделия, ситцы. В ряде случаев домашнее ремесло, оставаясь в рамках натурального хозяйства, становилось важным источником дополнительного заработка или даже основным источником дохода – «видным промыслом»^{xxvi}. Специализировавшиеся в этой отрасли *ткачи* и *ткали* работали на заказ для жителей своей станицы и других хуторов^{xxvii}. В отдельных местах даже наблюдалась специализация в ткацком производстве: одни занимались прядением, другие – ткачеством, третьи – окрашиванием готовых изделий^{xxviii}.

Кустарное и ремесленное ткацкое производство (для продажи и на заказ) в большей степени было развито у иногородних, поскольку казаки имели достаточные доходы от земледелия^{xxix}. С ростом благосостояния казачьих семей, особенно во второй половине XIX в., все чаще практиковалась работа ткачих по найму с разными формами договорных отношений. За проделанную работу «ткали» получали плату деньгами или испеченным хлебом, иногда выработанную из сырья заказчика продукцию делили пополам. В некоторых местах хлеб – *паляница* – брался сверх денег за каждые 10 «локтей»^{xxx}.

Материалом для ткачества служили лен, конопля и овечья шерсть. Как у значительной части южнорусского населения и других восточных славян, на Кубани наиболее употребляемо было полотно из конопли. Кроме тканей простого полотняного переплетения вырабатывались материи, выполненные приемами многоремизного тканья с так называемым светотеневым эффектом: в «елочку», «сосны», «ряды», «ромб», «кружки», с рельефными и ажурными полосками, диагональным переплетением^{xxxi}. Ассортимент изготавливаемых изделий отли-

чался сравнительным разнообразием. Из льна и конопли выделяли белье, полотна, разнообразные полотенца (*рушники*), скатерти (*настольники*, *столешники*), *наблюдники*, подзоры (*ложницы*), мешки, рядна, брезенты, попоны и т.д.^{xxxii} Шерстяную пряжу (*волну*) использовали для изготовления сукна, *шерстянки* или *перетканной* шерсти, плетения поясов и вязания^{xxxiii}. Домотканое полотно шло на пошив одежды: холст – для рубах (сорочек); сукно и полушерстяные материи – для черкесок, зипунов, свит, башлыков, юбок.

Широкое распространение получили гладкие ковры «без махров». Из старых ситцев, которые рвали на тоненькие ленточки, и шерстяных ниток ткали род половиков – *дранки*. В некоторых местах изделия, выработанные аналогичным образом из узких старых ситцевых и шерстяных лент вместе с пеньковыми нитками, использовали в качестве накидок на кровать и печь, дорожек на пол. Такие *редюшки* и *дерюги*, подобно ложникам, вытканым из овечьей шерсти с узорами из цветных полос, могли использовать и как толстые одеяла^{xxxiv}.

В целом последовательность и состав процессов прядильного и ткацкого производства у разных этнографических групп не отличались особой спецификой. В этом более или менее четко прослеживается общность древней основы этого вида народного прикладного искусства. Кроме того, некоторая близость обнаруживается и в результате длительного тесного общения и миграции населения на землях метрополии – в пограничных русских и украинских областях (Черниговской, Харьковской, Курской, Воронежской и др.). Небольшая вариативность наблюдалась в отдельных технических способах и приемах, в оборудовании и их терминологии. Например, *мялка* (рус.) / *биталка*, *битэльце*, *битэлья*, *терница*, *терничка* (укр.); трепать коноплю (укр., белорус.); *бедро* (рус.) / *ляда*, *набивка* (укр.); *шлихта*, *шлихтовать* (укр.); *кросно*, *кросна* (рус.) / *верстат*, *верстак* (укр.) и т.д.

Этнические особенности в большей степени проявлялись в сфере украшения тканых изделий. Так, характер декора и способ его оформления, цветовая гамма, техника исполнения вышитых узоров, а также покрой традиционного костюма могли быть знаком национальной принадлежности и выступали в качестве этнодифференцирующего при-

знака. К примеру, в украинской традиции богато орнаментированные праздничные и обрядовые женские рубахи отличались пышной декорировкой по всей длине рукава и в местах соединения рукава с плечом (*полики*), в меньшей степени – подола и ворота. Для русских характерным оставалось использование цветных вставок (красные рукава, полики, ластовки, нашивки)^{xxxv}, поскольку в южных губерниях России, в отличие от Малороссии, рукава украшались лишь по плечевым вставкам. Орнаментация рукава по всей длине встречалась лишь в праздничных рубахах молодых женщин^{xxxvi}.

Покрой и характер ворота мужских рубах также говорил об этнической принадлежности. Так, типичной для украинцев и белорусов оставалась рубаха (*сорочка*) с прямым разрезом ворота, русские же носили туникообразную рубаху с разрезом ворота на левой стороне груди – *криворотку* (косоворотку)^{xxxvii}. Рукава могли быть прямыми широкими или собранными в манжеты (*чохла*), последние преобладали у украинцев и белорусов и реже встречались у русских^{xxxviii}.

Во второй половине XIX в., и особенно интенсивно в конце XIX – начале XX в. в развитии Кубанского региона протекали активные общественно-экономические и социальные процессы, повлекшие значительные изменения в культуре и быте населения. Вторая половина XIX в. – время падения феодально-крепостнической системы и интенсивного развития капиталистических отношений в России, период перехода от натурального хозяйства к фабричному и крупнопромышленному производству. Все это во многом обусловило и социально-экономическое развитие Кубанской обл., быстрый экономический рост в крае, в первую очередь связанный с замирением Кавказа. Отпала необходимость в постоянной военной службе казаков, и они могли интенсивно развивать свои хозяйства. Строительство железных дорог и морских портов расширило торгово-хозяйственные связи Кубани с другими районами России, что также способствовало экономическому процветанию. С прекращением военных действий, а также в связи с отменой крепостного права возрос приток иногороднего населения. Рост благосостояния усилил имущественную и сословную дифферен-

циацию в среде казачьего и иногороднего населения. Все эти изменения не могли не затронуть прежний уклад жизни.

Во второй половине XIX в. с развитием фабричного производства и проникновением мануфактурных товаров в станицы Кубани значительно увеличивается влияние городской культуры, что существенным образом отразилось на состоянии художественного творчества народных мастеров. В вышивке это проявляется в широком распространении новой техники. Переход от старинных традиционных швов к более простой и быстрой вышивке крестом был характерен для многих губерний России (особенно южных областей), Украины и Белоруссии^{xxxix}. С этого времени на Кубани подавляющее большинство изделий вышивали односторонним крестом (*хрестиком*) в красно-черной гамме и его разновидностями: двойным крестом («болгарский» крест), разреженным крестом (*ложное кружево*), полукрестом. Орнаменты вышивок заимствовались из специальных альбомов печатных рисунков для шитья крестом – «прописей» и приложений к журналам «Нива», «Родина», а также с оберток парфюмерных товаров московских фабрик и рекламной продукции^{xl}.

Умение мастериц творчески, индивидуально подходить к трактовке узоров приводило к тому, что одинаковые мотивы имели различную интерпретацию и осмысление^{xli}. Со временем, когда мастерицы достаточно овладевали техникой и стали понимали несложную «конструкцию» узоров крестом, многие рисунки создавались на месте «как бог на душу положит», «с окон с морозу сымали»^{xlii}. Узоры могли заимствоваться из приемов народного шитья, с более ранних изделий и подвергаться соответствующей переработке.

В вышитых изделиях наряду с использованием новой техники сохранялись некоторые архаичные приемы южнорусской и украинской традиции – сквозные (ажурные, или строчевые) вышивки и *верхошвы* (счетная гладь и двусторонний шов). Мережка как разновидность строчевой вышивки была распространена у всех трех восточнославянских народов и чаще всего применялась в комбинации с другими техниками. Белая строчка (*перевить, шитье по выдергу, русская вышивка*) была характерна для русских переселенцев. В некоторых местах вы-

полняли цветную перевить, иногда – белую с введением красной нитки в обводку контуров рисунка или в разделку узора. Именно в выполненных этой техникой узорах сохранялись архаичные черты русской орнаментики с большой степенью стилизации и условностью в трактовке образа, геометризации. Для украинского народного искусства характерна тенденция к развитию пышных растительных форм, нередко схематичных и геометризованных, но чаще реалистичных изображений.

Постепенно наряду с сохранением традиций происходит сложный процесс утраты черт этнического своеобразия. Появление техники вышивания крестом привело к распространению новых орнаментов. Реалистические мотивы, наиболее приближенные к натуре, «нравились крестьянам больше, чем традиционные геометрические узоры. Последние, так же как и домашнее ткачество, связывались с представлениями сельской местности, со старой глухой, уходящей в прошлое деревенщиной»^{xliii}.

В соответствии с новыми веяниями моды и изменившимися вкусами вышивальщиц стали широко использоваться элементы орнаментики «высоких» стилей – барокко, классицизма, ампира. Народные мотивы продолжают существовать наряду со все чаще используемыми барочными вазами и античными урнами, меандром и акантовым листом, канделябрами, цветочными гирляндами с бантами и кистями, цветочными венками с коронами и т.д.^{xliv}

В начале XX в. техника вышивки крестом становится преобладающей, все реже используются архаичные приемы счетного шитья. В этот период широкое распространение получают типично городские вышивки – филейные работы, выполненные по сетке, ришелье^{xlv} (в народе более известное как *выбивание*). Под влиянием города расширяется круг орнаментированных изделий. Наряду с традиционными *утиральниками, божничками, наблюдниками, дежничками, настольниками, подзорами* вышивали декоративные салфетки для мебели, постельное и домашнее белье (наволочки, занавески для окон и дверных проемов, накидки и т.д.), нательные батистовые рубахи, детали женского казачьего костюма и прочие предметы городского обихода.

Распространение фабричных товаров в среде казачьего и иногороднего населения – следствие расширения торговых связей и роста материального благосостояния – не могло не сказаться на состоянии ткацкого производства. Всевозможные виды мануфактурных бумажных изделий, отличающиеся большим «разнообразием рисунков и цветов по небывало дешевым ценам», пользовались большой популярностью. Как следствие этого полотняное производство, «которое некогда процветало в станице», если не совсем выходило из употребления, то по крайней мере приближалось к тому. «Теперь в редкой хате весной увидишь “верстак” на своем месте, у многих он валяется без дела, где-нибудь под сараем или просто на дворе»^{xlvi}.

Все большее предпочтение в сельском костюме второй половины XIX в. отдавалось использованию фабричных тканей^{xlvii}. Одновременно с этим под влиянием городской моды «старый покррой одежды как у мужчин, так и женщин заменен новым, более изящным. Костюмы женщин преимущественно пред мужскими стали отличаться особенным щегольством и богатством отделки и ценностью материй; в погоне за модами казачки старались подражать интеллигентным деревенским дамам»^{xlviii}. В зависимости от материального состояния использовали бархат, шелка, батист, зон, нансук, ситец, сатин, кумач, миткаль^{xlix}.

Вместе с фабричными тканями широким потоком в быт кубанцев хлынули фарфоровые, фаянсовые, металлические и стеклянные изделия. К началу XX в. такая посуда занимала ведущее место в обиходе населения, особенно в городской среде. Появление нового сопровождается отказом от старого. Постепенно из домашнего обихода исчезает деревянная посуда. Лишь изредка изготовлением «чашек, отчасти ложек, занято неказачье население преимущественно в нагорной полосе»^l. В конце 1910-х годов потребность в бытовой посуде среди сельского населения частью покрывалась за счет продукции кустарного гончарного производства^{li}, но в условиях сильной конкуренции «горшечников» больше волновали цена и количество. Как следствие меняются качество, форма вещей и их отделка. Посуда становилась более простой и дешевой, грубой и непрочной. Многие из керамиче-

ских изделий вообще выходили из употребления или заменялись фабричными товарами.

Рост благосостояния и городское влияние отразились на жилище и его интерьере. Возникают различия, порожденные имущественной и сословной дифференциацией. Все чаще городской становится внутренняя отделка и мебель: парадный комод, фотографии и картинки, открытки с видами и «украшенный под комод» сундук. По конструктивным особенностям это все та же скриня, но теперь «с резными узорами, как вроде ящички, и металлическими углами», лаком покрытая и на точеных ножках^{lii}.

Использование новых строительных материалов отразилось на характере построек и их отделке. Применение черепицы сказалось на форме крыши (она стала двускатной); передний и задний фронтоны стали зашивать досками. Деревянные доски клали вдоль краев крыши и по периметру, их украшали пропиленной резьбой. Нередко своеобразными дополнительными украшениями служили и резные доски на углах обшитых тесом домов^{liii}.

Дома старшин, атаманов, знатных казаков и богатых людей отличались от остальных. При их постройке и отделке стремились выделиться, учитывали модные тенденции градостроительства. Большая распространенность со второй половины XIX в. в России архитектурнойковки не могла не проявиться в украшении зданий кубанских городов. В конце столетия ее применение стало главной тенденцией не только в столице – г. Екатеринодаре, но и в Анапе, Апшеронске, Ейске, Усть-Лабинске, Майкопе, Новороссийске, Славянске и т.д. Основными изделиями художественнойковки стали надкрылочные зонты (козырьки), балконы, лестницы и парапеты, могильные памятники (кресты), решетчатые декоры для дверей и окон, кованые ограды и ворота. Большой спрос и конкуренция среди мастеров-ковалей способствовали быстрому совершенствованию качества работ «от наивно лубочных к высшему изяществу мастерства и вдохновения»^{liv}. На рубеже столетий развитие промышленных поставок сырья (руда, уголь и т.д.) позволило кузнецам сосредоточить внимание на тонкой и высокохудожественной обработке материала^{lv}. Вместе с изменением вкуса заказчика

менялась и композиция художественнойковки: от растительного и зооморфного орнамента, богатства, роскоши декоративного убора («казацкого барокко») к упрощенным волнистым линиям и меандровым мотивам стиля модерн. В первые десятилетия XX в. ремесленное кузнечное производство приходит в упадок. Чугун, получаемый в промышленных условиях, как основной декоративный металл одерживал победу над вручную обрабатываемым ковким железом. Однако именно совершенствование техники, обновление традиционного мастерства и использование новых технических возможностей помогли выдерживать конкуренцию^{lvi}.

Представленный материал позволяет утверждать, что на начальном этапе формирования кубанского казачества сохраняются специфические черты народного декоративно-прикладного искусства исходных этнографических групп. Со второй половины XIX в., с развитием капиталистических отношений, в регионе происходят сложные социально-экономические преобразования. В этот период под влиянием города и профессионального искусства появляются новые черты культуры и быта. Для отдельных видов народного декоративно-прикладного искусства взаимодействие старых традиций и новых черт сопровождалось постепенной нивелировкой прежних локальных особенностей и их унификацией на всей территории Кубанской обл. (это касается эстетики народной одежды). Для других видов влияние экономических, а нередко и идеологических факторов обернулось сокращением или исчезновением (ткачество, роспись и др.). В целом для разных видов народного прикладного искусства были характерны неодинаковые темпы развития или изменения. Такие процессы могли проходить по-разному в отдельных селениях и зависели как от хозяйственно-экономического положения той или иной станицы, развития в ней товарно-денежных отношений, связи с городом, так и от национального состава населения, его материального достатка, имущественной и сословной дифференциации.

Все это еще раз подчеркивает, что развитие народного декоративно-прикладного искусства – лишь часть эволюции всей культуры, кото-

рая отображает многоуровневые процессы трансформации, межэтнической диффузии, наложения и новообразования.

Примечания:

ⁱ Бондарь Н.И. Традиционная культура кубанского казачества // Бондарь Н.И. Избранные труды. Краснодар, 1999. С. 53–61.

ⁱⁱ Кубанские станицы: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967. С. 20.

ⁱⁱⁱ Бондарь Н.И. Формирование и состав кубанского казачества // Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. Москва; Краснодар, 2002. С. 240.

^{iv} Кубанские станицы. С. 20–21.

^v Мельников Л. В предгорьях Майкопского отдела // Кубанские областные ведомости. 1900. 23 января.

^{vi} Бич Ю.Г. Изделия из глины в быту населения Кубани (XIX – начало XX века) // Глина в руках человека. Краснодар, 1989. С. 59.

^{vii} Бич Ю.Г. Гончарное ремесло на Кубани XIX – начала XX в. // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность. Тез. докл. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Ф.А. Щербины. Краснодар, 1999. С. 140; Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 138–139.

^{viii} Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее – СМОМПК). Вып. VIII. Тифлис, 1889. С. 177, 207, 224, 250, 309; Миронов И.Ф. Станица Северская Екатеринодарского Отдела Кубанской Области. 1864–1914 гг. (К 50-летию юбилею станицы). Екатеринодар, 1914. С. 55; Лавров Л.И. Станица Пашковская (Из прошлого украинских поселенцев на Кавказе) // Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 56.

^{ix} СМОМПК. Вып. VIII. С. 2–395. См. также: Апостолов Л.Я. Географический очерк Кубанской области. Тифлис, 1897. С. 275, 277; Живило К.Т. От Екатеринодара до Горячего ключа // Кубанские областные ведомости. 1900. № 176; Лавров Л.И. Указ. соч. С. 55–56, 66–67; Бьковский С. Гостагаевские мастера // Комсомолец Кубани. 1973. 3 февраля.

^x Гангур Н.А. Гончарное производство в Кубанской области: историческое развитие и типология керамических форм // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. 2003. № 1–2. С. 38.

^{xi} Измайлов А. Баталпашинск // СМОМПК. Вып. VIII. С. 187; Старощербиновская станица // Там же. С. 177.

- ^{xii} *Кирей Н.И.* Поселения и жилища кубанских казаков // Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. С. 447.
- ^{xiii} *Бежкович А.С.* Настенная роспись украинской хаты // Сов. этнография. 1954. № 2. С. 128.
- ^{xiv} *Котельников В.* Дон – Кубань – Терек. М., 1950. С. 80.
- ^{xv} Полевые материалы автора (далее – ПМА). Куцевский р-н, ст. Большая Казинка (Красная поляна). Инф. Н.А. Щербина (1928 г.р.), местная (“хохолка”).
- ^{xvi} *Бабенко И., Капышкина С.* Узоры подсказывала природа // Народное творчество. 1998. № 2. С. 15.
- ^{xvii} *Бежкович А.С.* Указ. соч.
- ^{xviii} ПМА. Куцевский р-н, ст. Большая Казинка. Инф. Н.А. Щербина.
- ^{xix} *Бежкович А.С.* Указ. соч.
- ^{xx} *Бабенко И., Капышкина С.* Указ. соч.
- ^{xxi} *Капышкина С.Ю.* Декоративно-прикладное искусство в контексте изучения предметного кода традиционной культуры // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1997 год. Дикаревские чтения (4). Белореченск, 1998. С. 74.
- ^{xxii} *Волков О.К.* Этнографические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. 2. Пг., 1916. С. 490.
- ^{xxiii} СМОМПК. Вып. VIII. С. 78, 126, 139, 150, 157, 163, 175, 194, 202, 225, 278, 288, 294, 297, 301–302, 305.
- ^{xxiv} *Передельский Е.* Станица Темижбекская и песни, поющиеся в ней // СМОМПК. Вып. III. Тифлис, 1883. С. 29; *Черный К.Н.* Ейский уезд. Статистическое описание // Кубанский сборник (далее – КС). Т. 1. Екатеринодар, 1883. С. 486; *Евтушенко М.* Новощербиновская станица // СМОМПК. Вып. VIII. С. 156.
- ^{xxv} *Нижибицкий Н.* Темиргоевская станица // СМОМПК. Вып. VIII. С. 278.
- ^{xxvi} СМОМПК. Вып. VIII. С. 89, 92, 151, 163, 278, 302, 321, 487.
- ^{xxvii} *Черный К.Н.* Указ. соч. С. 60, 89, 91, 168–169, 181, 244.
- ^{xxviii} *Хаустов Д.* Ханская станица // СМОМПК. Вып. VIII. С. 91.
- ^{xxix} СМОМПК. Вып. VIII. С. 91, 103, 150–151, 157.
- ^{xxx} Там же. С. 150, 157, 244.
- ^{xxxi} *Бабенко И., Капышкина С.* Указ. соч. С. 13.
- ^{xxxii} *Передельский Е.* Несколько слов об общине среди казаков // СМОМПК. Вып. V. Тифлис, 1886. С. 38–45; СМОМПК. Вып. VIII. С. 2–395; *Румянцева Г.В.* Традиционная одежда восточнославянского населения станицы Переградской // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани. Дикаревские чтения (5). Краснодар, 1999. С. 45.

- ^{xxxiii} СМОМПК. Вып. VIII. С. 151, 183, 282; *Аркаников Ф.Ф.* Николаевская станица. Статистико-этнографическое описание // КС. Т. 1. Екатеринодар, 1883. С. 563–564.
- ^{xxxiv} СМОМПК. Вып. VIII. С. 92, 150, 251, 283; *Липинский А.В.* Троицкая станица. Статистическое описание // КС. Т. 1. С. 697.
- ^{xxxv} *Шахов Д.* Воронежская станица. Статистико-этнографическое описание // КС. Т. 1. С. 653.
- ^{xxxvi} *Маслова Г.С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978. С. 16.
- ^{xxxvii} *Зеленин Д.К.* Указ. соч. С. 224–225; Очерки традиционной культуры казачеств России. С. 525.
- ^{xxxviii} *Гангур Н.А.* Орнамент народной вышивки славянского населения Кубани XIX – начала XX века. Краснодар, 1999. С. 16.
- ^{xxxix} *Моисеенко Е.Ю.* Русская вышивка XVII – начала XX века. Л., 1978. С. 16–17, 138–139; *Ефимова Л.В., Белгородская Р.М.* Русская вышивка и кружево. М., 1982. С. 23.
- ^{xl} *Ефимова Л.В., Белгородская Р.М.* Указ. соч. С. 23. ; См. также: *Дурноусов М.* Имеретинская станица // СМОМПК. Вып. VIII. С. 252; *Живило К.* Станица Расшеватская // Там же. С. 297.
- ^{xli} Гангур Н.А. Орнамент народной вышивки... С. 5.
- ^{xlii} *Бабенко И., Капышкина С.* Указ. соч. С. 13.
- ^{xliii} *Работнова И.П.* Русская народная одежда. М., 1964. С. 46.
- ^{xliv} *Гангур Н.А.* Орнамент народной вышивки... С. 72; *Моисеенко Е.Ю.* Указ. соч. С. 16–17.
- ^{xliv} *Щурик Н.Л.* Рождение местной традиции // Народное творчество. 1998. № 2. С. 23.
- ^{xlvi} *Успенский И.* Станица Дмитриевская. Исторический очерк // КС. Т. 8. Екатеринодар, 1902. С. 240–241; СМОМПК. Вып. VIII. С. 359.
- ^{xlvii} *Черный К.Н.* Указ. соч. С. 423; *Успенский И.* Указ. соч. С. 226; *Аркаников Ф.Ф.* Указ. соч.; *Ламов А.Д.* Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска // КС. Т. 19. Екатеринодар, 1914. С. 489; *Македонов Л.В.* В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908. С. 132.
- ^{xlviii} *Успенский Д.* Указ. соч. С. 226.
- ^{xlix} Кубанские станицы. С. 148; *Шахов Д.* Указ. соч. С. 652–653.
- ⁱ *Борчевский М.И.* К вопросу об улучшении быта горных станиц Кубанской области // КС. Т. 15. Екатеринодар, 1910. С. 187.
- ⁱⁱ *Гангур Н.А.* Гончарное производство в Кубанской области. С. 41.
- ⁱⁱⁱ ПМА. Кущевский р-н, ст. Большая Казинка. Инф. Н.А. Щербина.

^{liii} Кирей Н.И. Указ. соч. С. 447–448.

^{liv} Халаджан Н.Н. Легенда – коваленда. М., 1992. С. 116–117, 141.

^{lv} Чернядьев А.В. Мастерство художественнойковки на Кубани // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода. Краснодар, 1991. С. 58.

^{lvi} Там же. С. 59.